

ФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И “ЛОВУШКИ” ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

© 2006 В.А. Носков¹, Н.О. Михаленок²

¹Самарский государственный экономический университет

²Самарская государственная академия путей сообщения

В статье рассматриваются теоретические предпосылки использования формальных институтов в экономическом развитии. Делается вывод, что развитие формальных норм сопровождается возникновением “ловушек” институционального обеспечения. Их преодоление предполагает активное использование государства в институциональном развитии экономик.

Роль знания в социально-экономических процессах составляет особый предмет современной экономической теории. Здесь лишь поясним вкратце, что знание выступает в двух формах: явное (передаваемое) и неявное. Под явным знанием понимается вся та совокупность информации, используемой в теоретической и практической деятельности, которая может быть передана от одного человека другому через формальные каналы образования и самообразования (учеба в школе и университете, чтение книг и т. п.). Неявное знание – это совокупность неформализованной информации, которая приобретается человеком только на основе собственного опыта или путем непосредственного общения с другими людьми. Это – огромная часть того массива знаний, которые необходимы каждому человеку для успешной деятельности. Она отличает опытного в своем деле человека от неопытного.

Существующие институты и соответствующие им виды деятельности всегда как бы поощряют приобретение, углубление и распространение тех или иных видов явного и неявного знания. Иллюстрируя это утверждение, Д. Норт отмечает, что прибыльность пиратства в позднем средневековье способствовала распространению тех видов знания, которые были нужны именно для этого занятия: навыков вождения судов и ведения морского боя, знания о том, где и как лучше всего продавать награбленное и т.п. Но с исчезновением пиратства значительная часть этих навыков и знаний оказалась социально нево-

стребованной и исчезла. Зато появилась потребность в иных видах знания. Например, бурное развитие химической промышленности в конце XIX века породило спрос на знания о химической науке, технологии и рынке химических товаров. В ответ на эта резко расширилась соответствующая сфера обучения: открылись новые факультеты, появилось много новой научной и учебной литературы по химии. Эти примеры показывают, как люди адаптируются к институтам и соответствующим им видам деятельности, тем самым укрепляя институт и обеспечивая сращивание институтов и организаций.

Во-вторых, чем дольше по времени существует институт, тем больше возникает других институтов, связанных с первым. Таким вокруг некоего институционального ядра складывается множество других норм, правил и обычаев, которые поддерживают существование этого ядра и повышают социальную эффективность данного института.

О значении “сопутствующей” институциональной отсутствует опыт функционирования института частной собственности в России. Как известно, легальная частная собственность стране возникла на рубеже 1980-х и 1990-х годов, а затем закреплена в Конституции 1993 года. Формальное провозглашение частной собственности являлось, безусловно, огромным шагом вперед в социальном развитии России. Но, будучи изолированным и не связанным с другими нормами, правилами и обычаями, институтами собственности в России долгое время остается социально неэффективным.

Напротив, для западноевропейского общества институт частной собственности органичен. Он формировался и развивался в течение многих веков (например, в Великобритании частная собственность в современном понимании возникла в XI–XIII веках) как часть широкого процесса институциональной эволюции, включающей развитие политических, юридических, экономических и социально-психологических институтов, связанных с институтом частной собственности. Это в решающей степени определило устойчивость и эффективность частной собственности в Западной Европе, а также в тех странах, куда была перенесена западноевропейская институциональная система.

Описанные эффекты сращивания институтов с организациями и усиления институтов благодаря формированию “сопутствующей” институциональной среды иллюстрируют важную особенность институтов как особого вида общественных благ.

Институт обладает свойством “возрастающей отдачи”, то есть при прочих равных условиях он тем устойчивее и эффективнее, чем дольше существует и чем больше людей действуют в рамках этого института.

Обычные экономические блага, как известно, характеризуются убывающей полезностью, в том числе факторы производства – убывающей производительностью. Присущая институтам “возрастающая отдача” служит одним из оснований для того, чтобы рассматривать их в качестве отдельного объекта экономического анализа.

В любой развитой институциональной системе институты “сцеплены” друг с другом. Они дополняют друг друга и образуют непрерывное институциональное пространство. Это называется “когерентностью” институтов. В принципе возможны некие разрывы, или “пустоты”, в институциональном пространстве, т.е. отсутствие формальных или неформальных норм, регулирующих какие-либо отношения, но такое положение недолговечно, особенно для неформальных институтов. Например, в переходной российской экономике отсутствие многих формальных правовых норм, регулирующих новые рыночные отношения, восполняется нефор-

мальными нормами – в основном теми, которые берут начало в культуре и историческом опыте российского общества.

Однако этого сказать недостаточно. По нашему мнению, при оценке эффективности норм нужно учитывать, что для институциональной экономики характерна двойная система показателей. Первая – это уровень “покрытия” нормами соответствующего блока отношений. Вторая – это результативные экономические показатели (производительность труда, темпы роста ВВП и др.) как итоговый эффект действия норм. Второе свойство выступает не одномоментно, а как пролонгированный результат совместной деятельности. Однако здесь могут быть следующие варианты ситуаций:

а) нормы не разработаны, но решение принято, и требуется его реализация. В таком случае говорят: разберемся по ходу действия;

б) нормы разработаны, но их качество, как показывает дальнейшая практика, недостаточное, что ведет к большим ошибкам. Примером является процесс монетизации льгот в 2005 – 2006 гг.;

в) нормы определены внешне правильно (например, задача удвоения ВВП за 10-летний период) но их реализация наталкивается на сопротивление тех сил, которые несут потери из-за изменения “правил игры”.

Действительно, каждое изменение системы норм сопровождается в дальнейшем изменением направлений финансовых потоков. В итоге одни социальные группы выигрывают, другие – проигрывают. В целом же общество, как правило, несет потери. Так происходит с реформой ЖКХ, которая реализуется неэффективно уже 10 лет.

Такую ситуацию мы предлагаем называть термином “ловушки” институционального обеспечения. В теории “экономикс” используется понятие “ловушки” обыденного сознания, когда на бытовом уровне делаются выводы из неполной информации, когда следствие объясняется не теми причинами, которые его вызвали. У нас термин “ловушки” имеет другой смысл. Суть его в том, что из-за институциональной недоработанности (много белых пятен на институциональном поле, предлагаемые нормы отражают инте-

рессы узкой группы чиновников и менеджеров и т.д.) экономика попадает в “западню”. Принимаемые решения или не выполняются, или реализуются с ошибками, большими финансовыми издержками.

Рассмотрим подобную ситуацию на современных примерах. Первый из них – обеспечение прироста ВВП России в 2 раза за 10 лет.

Если контекст исследования ограничивается лишь некоторым динамическим рядом самого показателя ВВП, то в этом случае темпы его изменения в рассматриваемом году могут описываться с использованием определений “выше” или “ниже”, чем в базовом (обычно предшествующем году) и/или в терминах “ускорение”, “замедление” и “стабилизация” темпов роста. Кроме того, могут применяться оценки, характеризующие интегральные итоги роста за некоторый период времени (наиболее распространенным в практике является сопоставление ВВП отчетного года с предреформенным уровнем ВВП - 1990 или 1991, а также с уровнем ВВП 1998 года – годом последнего в новейшей истории экономического спада в России).

В рамках подобного сравнительного анализа (табл. 1) основные выводы сводятся к следующему.

Сопоставление темпов ВВП в России с аналогичными показателями других стран (или их групп) позволяет получить представления об относительной динамике экономического развития России.

В частности, в 1999-2002 гг. темпы прироста ВВП в РФ были, существенно выше,

чем в странах с развитой рыночной экономикой (табл. 2): в 2,0-2,5 раза выше, чем в странах ОЭСР в целом и в США и почти на порядок выше, чем в Японии.

Однако, несмотря на важную роль относительных величин в экономическом анализе (темпов роста, рентабельности, эффективности), для любых хозяйственных субъектов непосредственное значение имеют соответствующие абсолютные объемы (объемы прироста производства, прибыль, размер экономики). Из-за гигантского разрыва в исходных масштабах российской экономики “физический объем” ВВП, соответствующий одному процентному пункту его прироста, составляет лишь 16% от уровня аналогичного показателя США, 19% – Японии и среднего уровня 15 стран-членов ОЭСР.

Важным источником критериев оценки текущей экономической динамики является “образ будущего”.

Возможности ретроспективного анализа могут быть существенно расширены за счет прогнозных построений, т.е. в результате перехода от чисто аналитических (ретроспективных) исследований к прогнозно-аналитическим.

В основу подхода к содержательной оценке текущей экономической динамики могут быть положены не только ретроспективные тенденции, но и сценарный прогноз. Например, текущие характеристики экономического роста могут сопоставляться с параметрами того прогнозного варианта социально-экономического развития, который обес-

Таблица 1. Динамика ВВП России 1999 – 2005 гг., %

Показатель	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.
Темпы роста ВВП к уровню предыдущего года	105,4	109	105	104,3			
Темпы роста ВВП к уровню 1998 года	105,4	114,9	120,6	125,8			

Таблица 2. Соотношение темпов прироста и объемов ВВП на душу населения России и развитых стран*

Страны	Среднегодовой темп прироста ВВП в 1999 – 2002 гг., %	Соотношение темпов прироста ВВП (к уровню РФ), %	“Физический вес” I проц. п. Прироста душевого ВВП, долл. США **	Соотношение “физических весов” I проц. п. Прироста душевого ВВП (к уровню РФ), %
Россия	105,9	100,0	41	100
Страны ОЭСР	102,3	38,8	218**	532
США	102,6	44,7	255*	622
Япония	100,6	9,6	214	522

* По материалам Российского статистического ежегодника и обзоров мировой экономики Центра развития (<http://www.dcenter.ru>)

** ВВП на душу населения: абсолютный прирост, соответствующий 1 проц. п. прироста (по паритету покупательной способности валют, усредненные данные за 1996-1999 гг.)

*** В данном случае ОЭСР представлена следующими 15 странами: Австралия, Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Италия, Канада, Нидерланды, Норвегия, США, Финляндия, Франция, Швеция, Япония

печивает необходимый темп приближения к “нормативному” (предпочтительному) образу будущего.

В соответствии с прогнозом развития мировой экономики, разработанным ИМЭМО РАН в перспективе до 2015 года, темпы экономического роста группы наиболее развитых стран будут находиться в интервале 2-3% в год.

В табл. 3 представлен простой расчет, в рамках которого оцениваются нормативные требования к динамике ВВП на душу населения России при различных гипотезах о темпах роста ВВП стран-членов ОЭСР и о динамике сокращения сложившегося отставания России от этих стран по уровню данного показателя. Поддержание того уровня отставания абсолютного объема душевого ВВП России от аналогичного показателя развитых стран, который характерен для 2000 г. (18244 долл. США), потребует экономического роста со среднегодовым темпом 4,0-5,5%. При этом относительное отставание сократится с 71% в 2000 г. до 53-45% в 2015 г.

Восстановление предреформенного (1990 год) уровня отставания абсолютного объема душевого ВВП России от аналогичного показателя развитых стран может быть результатом экономического роста со среднегодовым темпом не ниже 6-7%. При этом относительное отставание от развитых стран

сократится с 71% в 2000 г. до 30-26% в 2020 г.

Накопленные в предшествующее десятилетие масштабы отставания в уровнях экономического развития делают переход к динамичному экономическому росту императивом экономической политики. При этом нормативные оценки темпов роста позволяют интерпретировать текущую экономическую динамику как соответствующую или не соответствующую практической реализации рассматриваемого варианта догоняющего развития.

Вместе с тем необходимо отметить два обстоятельства. Во-первых, индексы физического объема не в состоянии адекватно учесть тонкие качественные аспекты экономической динамики и с неизбежностью занижают темпы роста производства, когда преобладающим процессом является не собственно “физический” рост, а разнообразные структурные сдвиги. Во-вторых, процедура каждого из сопоставлений СССР и США по объему ВВП основывается на текущих ценах (и ценовых пропорциях) эталонной страны (т.е. либо США, либо одной из европейских стран, но не СССР). Это означает, что пропорции в объемах ВВП, полученные при любых двух процедурах международных сопоставлений, меняются под влиянием изменений не только объемов и структуры производства, но и ценовых пропорций (пропорций обмена различных товаров).

Таблица 3. Динамика душевого ВВП России, соответствующая различным гипотезам о темпах роста стран-членов ОЭСР и о динамике сокращения сложившегося отставания России по уровню этого показателя от этих стран

Показатель	1990г.	2000г.	2005г.	2015г.
Динамика душевого ВВП в развитых странах*: среднегодовой темп прироста, %		1.6	2.0	3.0
абсолютный уровень (с округлением), долл. США	21970	25744	34648	40108
Фактическая динамика душевого ВВП РФ абсолютный уровень (с округлением), долл. США	11500	7500		
среднегодовой темп прироста, %		-4.2		
Фактический разрыв в уровнях душевого ВВП, долл.	10470	18244		
Соотношение душевых ВВП РФ и развитых стран, %	52	29		
Отставание РФ по душевому ВВП от развитых стран (%)	48	71		
Динамика разрыва в уровнях душевого ВВП, долл. вариант восстановления разрыва 1990 г.			10470	10470
вариант сохранения разрыва 2000 г.			18244	18244
вариант восстановления соотношения душевых ВВП 1990 г.			16500	19200
вариант сохранения соотношения душевых ВВП 2000 г.			24500	28500
Требования к перспективной динамике душевого ВВП РФ в варианте сохранения разрыва 2000 г. абсолютный уровень (с округлением), долл. США			16404	21864
среднегодовой темп прироста, %			4.0	5.5
Требования к перспективной динамике душевого ВВП РФ в варианте восстановления разрыва 1990 г.: абсолютный уровень (с округлением), долл. США			24178	29638
Среднегодовой темп прироста, %			6,0	7,1
Требования к перспективной динамике душевого ВВП РФ в варианте сохранения его соотношения с душевым ВВП стран ОЭСР 2000 г.: Абсолютный уровень (с округлением), долл. США			10148	11608
Среднегодовой темп прироста, %			1,5	2,2
Требования к перспективной динамике душевого ВВП РФ в варианте сохранения его соотношения с душевым ВВП стран ОЭСР 1990 г.: Абсолютный уровень (с округлением), долл. США			18148	20908
Среднегодовой темп прироста, %			4,5	5,3

* В данном расчете группа развитых стран представлена следующими странами-членами ОЭСР: Австралия, Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Италия, Канада, Нидерланды, Норвегия, США, Финляндия, Франция, Швеция, Япония

Возвращаясь к интерпретации итогов экономического соревнования СССР и США, можно утверждать, что в рассматриваемый период времени цены на первичные сырьевые ресурсы росли в целом значительно медленнее цен на продукцию обрабатывающей промышленности, на услуги. Страны-лидеры технологического развития обеспечивали себе дополнительный доход в сфере внешней торговли (“технологическую” ренту), обме-

нивая товары с высокой долей добавленной стоимости на сырье и продукцию первых “переделов”. В результате агрегат товаров и услуг, произведенных в экономике СССР, характеризующийся стабильно высокой долей сырьевых товаров, с течением времени получал относительно меньшую стоимостную оценку в системе цен, складывающейся в мировой торговле и/или на рынках промышленно развитых государств. Отставание в

темпах структурной перестройки экономики СССР, в повышении ее эффективности, в расширении производства качественной, наукоемкой продукции с неизбежностью проявлялось в процедурах межстрановых сопоставлений и находило свое выражение в относительном снижении стоимостных оценок макроэкономических показателей объемов производства, т.е. в существенном замедлении темпов их прироста (примерно до 3%) по сравнению с результатами оценивания в национальной системе цен (соответственно 5%).

Таким образом, конструктивная стратегия догоняющего развития должна основываться на концепции структурно-технологической и социальной модернизации национальной экономики, обеспечивающих не только высокую динамику “физических объемов”, но и, прежде всего, высокий темп качественных приращений, значительный вклад качественной компоненты экономического роста, т.е., ситуацию, когда реальное “экономическое развитие”, выявляемое в процедурах международных сопоставлений, оказывается динамичнее “экономического роста”, рутинно измеряемого в национальной системе координат. В итоге:

- рост ВВП не должен быть самоцелью;
- различные по своему содержанию сценарии развития могут порождать весьма сходные траектории объемов ВВП.

В современной ситуации, в силу критического сжатия масштабов российской экономики, императив экономического роста актуализируется в качестве абсолютной установки на рост ВВП. При этом содержательный контекст дискуссии по проблемам экономического роста существенно сужается, лишается множества существенных деталей. Вполне позитивно воспринимаются конъюнктурные возможности наращивания объемов производства, которые нельзя не оценить как ретроградные, не соответствующие представлениям о приоритетах социально-экономического развития в среднесрочной и долгосрочной перспективе. В частности, может приветствоваться и увеличение объемов производства в энерго-сырьевом секторе, которое ведет к утяжелению структуры отечественной экономики, усиливает ее зависи-

мость от конъюнктуры мировых рынков, и рост производства вооружений и военной техники на экспорт, участие России в международном военно-техническом сотрудничестве, которые позволяют “удержаться на плаву” части предприятий российского оборонного сектора, но сохраняют его в качестве обособленной части национальной экономики, не позволяют использовать его ресурсные и технологические возможности для модернизации “гражданской” экономики.

В контексте среднесрочного и долгосрочного прогноза экономическое развитие и отражающий его экономический рост предстают не как “дурна бесконечность” наращивания объемов производства и потребления, но как закономерная смена целей, факторов, ресурсных ограничений, механизмов функционирования, типов благосостояния и т.п. Это означает, что основной задачей концепции “догоняющего развития” должна стать не просто максимизация темпов экономического роста, а достижение высоких темпов реального приближения к предпочтительному образу будущего по подмножеству его наиболее важных, приоритетных характеристик, движение к новым качественным результатам.

Таким образом, вместо аморфной политики перехода к “анонимному” экономическому росту (с неопределенным механизмом, размытыми целевыми установками) должна быть разработана концепция формирования необходимых и достаточных условий желательной социально-экономической эволюции. В рамках соответствующего сценария темпы роста ВВП (или любого другого макроэкономического показателя) будут естественным следствием особенностей реализованного варианта экономической политики, будут представлять собой лишь один из аспектов его развернутой характеристики, но содержательные итоги развития будут сформулированы на другом, более содержательном языке – языке, на котором был обоснован выбор целей и механизмов их реализации.

Сопоставление лишь темпов роста ВВП не позволяет дать ответ на вопрос, в соответствии с каким сценарием осуществляется экономическое развитие. Для установления меры соответствия фактической и желатель-

ной траектории развития необходимо перейти на уровень существенно более дезагрегированных прогнозно-аналитических построений.

В этом случае фактические показатели экономической динамики могут быть сопоставлены с теми показателями, которые соответствуют принятой стратегии социально-экономического развития в перспективе. Эта процедура предполагает наличие подобных разработок в области социально-экономической политики и оценок возможных итогов ее практической реализации. Именно такая процедура сопоставления может быть принята в качестве наиболее содержательной (при ее сравнении с перечисленными выше). Но она предполагает наличие разработанного правительством и воспринятого обществом варианта (сценария, стратегии) развития национальной экономики.

Другим примером “ловушки” институционального обеспечения является происходящая в настоящее время административная реформа, которая затрагивает все уровни федеральную, региональную и муниципальную.

Успех действительно демократических преобразований будет зависеть от способности предложить российскому обществу модель развития обеспечивающую интеграцию количественно и качественно разнородных региональных хозяйственных и социокультурных комплексов.

С позиций концепции устойчивого развития особое значение приобретает проблема гармонизации меж- и внутрирегиональных отношений в РФ.

Основные задачи региональной политики могут быть сформулированы следующим образом: преодоление региональной замкнутости и территориального монополизма, формирование общероссийского рынка, реализация принципа эквивалентности в межрегиональном обмене и в отношениях центра с субъектами Федерации. Разумеется, когда большинство субъектов Федерации являются дотационными, а меньшая их часть – донорами, реализация принципа эквивалентности – задача долговременной перспективы. Но ее решение – жизненная необходимость для страны, ибо в условиях демократии сохранение целостности федеративного Рос-

сийского государства основывается, главным образом, на взаимной заинтересованности субъектов Федерации и адекватном представлении их жителей о такой заинтересованности. В наибольшей мере это относится к Дальнему Востоку и национально-территориальным автономиям, а на первом этапе преобразований – и к регионам-донорам.

Одна из важнейших проблем региональной политики на перспективу – достижение эквивалентного обмена регионов сырьевой ориентации с регионами, не обладающими ресурсами сырья. При любых сценариях развития в переходный период регионы – “держатели” сырьевых ресурсов оказываются в более благоприятных условиях. Регионы с преобладанием обрабатывающей промышленности должны будут действовать в двух направлениях – принимать долевое участие в подготовке и добыче сырья в других регионах и предпринимать усилия для повышения конкурентоспособности своей продукции.

По мере модернизации экономики в XXI в. и ее интеграции в мировой рынок уменьшатся преимущества сырьевых отраслей и регионов. Снимаются и относительные преимущества регионов с развитой торгово-финансовой деятельностью.

Региональная налоговая и бюджетная политика должна строиться исходя из объективных потенциальных налоговых возможностей и потребностей региона. Целесообразно, моделируя условия и влияющие факторы, рассчитать душевой рейтинг регионов по потребности в бюджетных средствах. Рейтинговая модель должна учитывать такие факторы, как тяжесть труда, природно-климатические условия, экологическую обстановку традиции, динамику развития территории в историческом контексте.

Нужна принципиально новая стратегия России, призванная находить конституционные пути обеспечения высокой степени самостоятельности регионов. События последних лет показывают, что неизбежна максимальная дифференциация подходов центра к оценке региональных запросов с учетом своеобразия хозяйства и социально-психологического климата в каждом субъекте Федерации. Проведение осмысленной региональной

политики должно опираться на аналитические разработки по подготовке адекватного “портрета” каждого субъекта РФ.

Взаимоотношения центра и регионов должны быть ориентированы на следующие цели:

1) соблюдение безусловных прерогатив Федерации (федеральный транспорт и связь, энергетика, уникальные природные ресурсы, шельфы, охрана границ и др.);

2) жесткое выполнение законодательно установленных условий функционирования государства, взаимные гарантии и ответственность центра и субъектов Федерации, представительство регионов в центральных органах власти и экономического управления и др.;

3) Добвысокая степень самостоятельности в решении вопросов внутреннего устройства субъектов Федерации, если это не затрагивает федеральных интересов и условий устойчивого функционирования государства в целом;

4) построение экономических отношений центра и субъектов Федерации на эквивалентной (компенсационной) основе, предполагающей в равной степени ответственность центра перед регионами и регионов перед центром.

Взаимная ответственность центра и территорий получает реальное воплощение посредством финансово-кредитной политики. Для регионов-неплательщиков (так же как и для предприятий) устанавливается особый режим кредитования. Его условия должны объявляться заранее и автоматически вступать в силу. При невыполнении центром своих, обязательств перед регионами последние в законном порядке вправе компенсировать ущерб за счет своих платежей в государственный бюджет.

Отмена производственных дотаций перспективным предприятиям должна стать одним из основных требований региональной политики. Место производственных дотаций займут в этих случаях меры социальной защиты.

Государственное регулирование территориального развития ни в коей мере не предполагает нивелирования регионов, создания усредненной однообразной картины на всем пространстве нашей родины.

Генеральной целью региональной политики должно стать построение России как государства многообразных взаимодействующих регионов, образующих в своем синтезе единство страны. Стратегия и тактика пространственной экономической интеграции обеспечит эффективность и открытость экономики, постепенное сглаживание неоднородности развития, действенность и сбалансированность механизма экономического федерализма.

О разбалансированности нормативной базы финансовой системы России говорит следующий факт, который стал известен общественности в конце 2006 года. Только в 2001-2002 гг. власти Татарстана и Башкортостана допустили на свои территории учреждения Федерального казначейства. До этого даже федеральные власти обслуживались подразделениями с территориями других субъектов Российской Федерации.

Одним из существенных пробелов практики государственного регулирования территориального развития является отсутствие четких границ в определении предметов внутрирегиональной, межрегиональной и федеральной региональной экономической политики. Отсюда в значительной мере протекает неясность в определении задач трех основных уровней государственной региональной политики. В условиях России это особенно негативно сказывается на осуществлении федеральной региональной политики. В рамках федеральной региональной экономической политики можно выделить ряд приоритетных вопросов.

Регулирование экономических взаимоотношений между центром и регионами. Неотрегулированность имущественных отношений между уровнями власти (особенно между Федерацией и субъектом Федерации) создает возможность для разного рода правовых нарушений в сфере межбюджетных отношений, владения, пользования и управления собственностью. Акционерная форма собственности, в которой имеется доля федерального центра, не решает большинство характерных противоречий.

Особенно острой в российском федерализме является проблема получения и распре-

деления доходов от природопользования. Известно, что уровень бюджетных доходов в сырьевых регионах в десятки раз выше, чем в регионах, не обладающих значительными экономически эффективными природными ресурсами. Например, среднедушевые бюджетные доходы в Ямало-Ненецком автономном округе составляют более 29 тыс. руб., тогда как в республиках Алтай, Тыва, Ингушетия этот показатель не достигает и 2 тыс. руб. Неотрегулированность межбюджетных отношений уже становится предметом конфликтов между Федерацией и ее субъектами. Первоочередными мерами здесь должны стать закрепление расходных полномочий и на основании этого закрепление доходных полномочий на каждом уровне власти (местное самоуправление, субъект Федерации и сама Федерация). Следующий этап – это расщепление налогов по критерию минимизации межбюджетных потоков и увеличение числа регионов-”доноров”. Новая методика определения трансфертов должна отвечать

таким условиям, как однотипность для всех субъектов Федерации, прозрачность и простота расчета и проверки.

Одним из критериев эффективности федеральной региональной экономической политики должны быть максимизация количества бюджетно-самодостаточных регионов и соответственно уменьшение количества дотационных регионов и уровня их дотационности. Разумеется, бюджетная самодостаточность не единственная цель. Необходимо также учитывать целесообразность финансовой поддержки определенных предприятий, достижения оптимального уровня занятости, реальных доходов населения и т.д.

В будущем – при более благоприятной внутривнутриполитической ситуации – мы сможем подойти к решению трудного вопроса: сокращение числа субъектов Федерации. В принципе, это неотвратимо, поскольку многие регионы не в состоянии в полной мере выполнять свои социально-экономические и политические функции.

FORMAL INSTITUTES AND “TRAPS” OF INSTITUTIONAL DEVELOPMENT

© 2006 V.A. Noskov¹, N.O. Mikhalyonok²

¹ Samara State Economic University

² Samara State Academy of Ways of Communication

In article theoretical preconditions of use of formal institutes in economic development are considered. It is judged, that development of formal norms is accompanied by occurrence of “traps” of institutional maintenance. Their overcoming assumes active use of the state in институциональном development of economy.